

ИНФРАСТРУКТУРА НОВОЙ ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кафедра политических наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-6453-662X,
E-mail: dipi@nm.ru

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.04.2020, принята к публикации 02.06.2020

Для цитирования: Русаков В.М., Русакова О.Ф. Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 27–47. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10202

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18-6-68 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

© Русаков В.М., Русакова О.Ф., 2020

Аннотация

Статья посвящена проблеме описания и анализа последовательно и систематически выстраиваемой инфраструктуры конструируемой политики памяти независимых государств на постсоветском пространстве – институтам, центрам, музеям, общественным объединениям, средствам массовой информации и т. п., провозглашающим «возвращение к исторической правде», формированию «подлинной исторической памяти» народов бывшего СССР.

Анализ показывает, что политика памяти давно перестала быть только феноменом общественного сознания, политической теории: как всякая политика, т. е. отношения по поводу общественной власти, она опирается на разнообразные властные ресурсы: материально-вещественные, институциональные, идеологические. Более того, в современных условиях продвижения и использования технологий «мягкой силы», политика памяти мобилизует беспрецедентные ресурсы, в особенности связанные с медиатизацией политики для достижения поставленных политических целей.

Главными целями новой политики памяти являются: ревизия сложившихся в политической науке интерпретаций недавнего прошлого и, прежде всего, причин и характера Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны в России (1918–1922 гг.), Второй мировой и Великой Отечественной войн (1941–1945 гг.) и ее итога – Победы (1945); антикоммунистическая и антисоветская ревизия итогов социально-политических, экономических и культурных преобразований Советского государства с целью объяснения всего советского периода отечественной истории «преступным»; пересмотр системы международных отношений РФ как правопреемницы СССР с тем, чтобы «обосновать» правомерность требования к РФ различных «компенсаций»; подрыв социально-политического единства российского общества и дискредитация российского государства в международном масштабе.

Впервые поставлена задача систематически описать элементы инфраструктуры новой политики памяти: разнообразные институты (институты национальной памяти, музеи советской «оккупации», ветеранские организации профашистских коллаборационистов, молодежные нацистские организации и т. п.), политико-правовые акты, коммемориальные практики («борьба с памятниками», переименование мест и улиц, подготовка и издание учебной и пропагандистской литературы и т. п.).

В статье делается вывод о том, что новая политика памяти – это не момент идейно-теоретических споров, а полноформатная реализация современной концепции *soft power*, преследующая цель решительного ослабления России как конкурента, последующего полного подчинения, а в перспективе – ее расчленения и уничтожения. Новая политика памяти именно своей инфраструктурой показывает, что псевдонаучные теории и пропагандистские акции под лозунгами «возвращения к исторической правде» не имеют ничего общего с научным познанием и восстановлением исторической истины. Более того, она выполняет крайне опасную роль провокатора и подстрекателя различного политического экстремизма, подрыва и слома системы международной безопасности и мирового правопорядка, разжигает ненависть между народами, сеет шовинизм и расизм. Инфраструктура новой политики памяти имеет свою социальную базу, в том числе – в России.

Ключевые слова:

Историческая политика, новая политика памяти, инфраструктура политики памяти, национальная идентичность, история народов СССР.

UDC 323

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10202

INFRASTRUCTURE OF THE NEW NATIONAL MEMORY POLITICS IN THE POST-SOVIET SPACE. TO THE STATEMENT OF A PROBLEM

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Department of political sciences,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-6453-662X,
E-mail: dipi@nm.ru

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Article received on April 13, 2020, accepted on June 2, 2020

To cite this article: Rusakov, V.M., Rusakova, O.F. (2020). Infrastruktura novoj politiki nacional'noj pamyati na postsovetском prostranstve. K postanovke problemy [Infrastructure of the new national memory politics in the post-soviet space. To the statement of a problem]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 27–47. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10202

Abstract

The article is devoted to the problem of describing and analyzing the consistently and systematically constructed infrastructure of the constructed new memory politics of independent States in the post-Soviet space – institutions, centers, museums, public

associations, mass media, etc., proclaiming a “return to historical truth”, the formation of “true historical memory” of the peoples of the former USSR.

The analysis shows that the politics of memory has long ceased to be just a phenomenon of public consciousness, political theory: like all politics, i. e. relations about public power, it is based on a variety of power resources: material, institutional, and ideological. Moreover, in modern conditions of promotion and use of “soft power” technologies, memory politics mobilizes unprecedented resources, especially those related to the mediatization of politics, to achieve the set political goals.

The main goals of the new memory politics are: revision of the interpretations of the recent past that have developed in political science and, above all, the causes and nature of the great October socialist revolution, the Russian Civil war (1918–1922), the Second World war and the great Patriotic war (1941–1945) and its outcome – the Victory (1945); anti-Communist and anti-Soviet revision of the results of socio-political, economic and cultural transformations of the Soviet state in order to declare the entire Soviet period of national history “criminal”; revision of the system of international relations of the Russian Federation as the successor of the USSR in order to “justify” the legitimacy of the demand for various “compensations” to the Russian Federation; undermining the socio-political unity of Russian society and discrediting the Russian state on an international scale for its weakening, and in the future – dismemberment and destruction.

For the first time, elements of infrastructure of the new memory politics are systematically described: various institutions (institutes of national memory, museums of the Soviet “occupation”, veteran organizations of Pro-fascist collaborators, youth Nazi organizations, etc.), political-lawful acts, commemorial practices (“fighting with monuments”, renaming localities and streets, preparing and publishing educational and propaganda literature etc.).

The article concludes that the new politics of memory is not a moment of ideological and theoretical disputes, but a full-scale implementation of the modern concept of soft power, which aims to decisively weaken Russia as a competitor, then completely subdue it, and in the future – its dismemberment and destruction. The new politics of memory shows by its infrastructure that pseudo-scientific theories and propaganda actions under the slogans of “returning to historical truth” have nothing to do with scientific knowledge and restoration of historical truth. Moreover, it plays an extremely dangerous role as a provocateur and instigator of various political extremism, undermining and breaking the system of international security and international law, inciting hatred between peoples, and sowing chauvinism and racism. The infrastructure of a new memory politics has its own social base, including in Russia.

Keywords:

Historical politics, new memory politics, infrastructure of memory politics, national identity, history of the peoples of the USSR.

Постановка проблемы

Постоянная апелляция к «открытиям» и «разоблачениям», «срыванию покровов тайны и секретности» в отношении фактов советской истории, столь характерная для многих современных идеологических и медийных кампаний,

создаёт впечатление простой погони за сенсациями на грани эпатажа. Однако взгляд на разоблачительные кампании по истории советского периода, представляемый их в качестве результата деятельности определенных организаций и учреждений, заинтересованных в осуществлении данных кампаний, заставляет говорить о складывании целой системы, которую с полным правом можно назвать *инфраструктурой* политики памяти новых независимых государств на постсоветском пространстве. Данная инфраструктура отвечает задачам конструирования совершенно новой национальной памяти народов этих государств. Она должна стать органической составной частью столь же новой социально-политической идентичности.

Для Российской Федерации, как законной правопреемницы СССР, это имеет принципиальное значение, так как данная инфраструктура выступает носителем не только идеологии, но и политики взаимоотношений народов, формирования союзов и исполнения обязательств государств (в том числе – по международному праву). Принципиально важным в понимании проблемы сущности и характера созданной на постсоветском пространстве инфраструктуры политики памяти является то, что она выпукло подчеркивает три момента: во-первых, идейно-теоретические «изыскания» являются лишь *идеологическим прикрытием* вполне материальных политических притязаний, которые имеют мало общего с исторической наукой; во-вторых, ее центральной прагматической задачей является перестроение массового сознания в направлении забвения советского прошлого; в-третьих, она выполняет политический заказ новой властной элиты, готовой к радикальной смене прежнего вектора цивилизационного развития страны.

Объектом исследования выступают складывающиеся системы разнообразных *государственных и общественных организаций и учреждений, средств массовой информации, объединенных единством целей и задач конструирования новейшей национальной памяти как составной части современной национальной идентичности*, что позволяет говорить о системной инфраструктуре как орудии политики исторической памяти, проводимой национальными государствами на постсоветском пространстве. Кроме того, необходимыми элементами такой инфраструктуры выступают *законодательные и подзаконные акты*, призванные легитимировать новую политику исторической памяти, *кадры специалистов и исполнителей, разнообразные акции и продукты переозначивания знаково-символических пространств*.

Предметом исследования является состав и деятельность данной инфраструктуры по конструированию и внедрению новой национальной исторической памяти в идеологию и политику государств, в массовое сознание их граждан, что оказывает воздействие на современные международные отношения.

Суть и основные компоненты инфраструктуры политики памяти

Политика памяти лишь на первых порах очаровывала неофитов и адептов своими призывами – «возвращение к исторической правде», «восстановление исторической справедливости», «каждая страна имеет право на «национализацию» своей истории. Возникали фигуры исследователей, экспертов, множились конференции, симпозиумы, работали двусторонние и многосторонние комис-

сии (Бегер, 2010). При поддержке зарубежных фондов проводились конференции, конкурсы школьных учебников и т. п. Центральным пунктом этого энтузиазма была идея всемирного отказа истории (и историков) от притязаний на непогрешимость, от желания создать обязательно вдохновляющий национальный миф. Но очень скоро была замечена тенденция к монополизации этих процессов государствами (Дубин, 2008).

Политика памяти именно как *политика* довольно быстро оказалась в центре внимания постсоветских исследований (Дюков, 2010, с. 133–148). Сразу обнаружилось, что политика памяти, как всякая политическая деятельность по поводу отношения к власти, для своего повседневного существования нуждается в наращивании разнообразных ресурсов – идеологических, пропагандистских, материально-финансовых, институционально-организационных, массмедийных, символических.

При исследовании ресурсной базы политики памяти выявляется тесная связь конструируемой историками и экспертами новой «национальной исторической памяти» с определенным родом деятельностью *органов государственной власти* (Дубин, 2008). Парламенты постсоветских государств постоянно принимают законы об увековечивании памяти о том или ином событии национальной истории или об ответственности за «фальсификацию», а то и прямо – за «отрицание» того или иного исторического события (Миллер, Ефременко, 2020, с. 232–249). Правительства создают межгосударственные комиссии (Бегер, 2010), региональные органы власти и органы местного самоуправления учреждают «топонимические» комиссии по поводу переименования улиц, населенных пунктов. Еще более фундаментально государство осуществляет полномасштабный контроль за дискурсами, институтами и коммемориальными практиками, направляющими в определенное русло политику национальной памяти (Украинский институт национальной памяти, Музей оккупаций (Таллин), Музей советской оккупации (Тбилиси) и т. п.). Особенный размах получают государственные акты, провозглашающие «войны памяти» (Бордюгов, 2011, с. 36–42).

Нельзя обойти вниманием деятельность различных общественных организаций, объединений и движений, заявивших о своих целях и задачах в сфере реализации новой политики памяти. Данные акторы при поддержке национальной государственной власти и зарубежных спонсоров мобилизуют значительные общественные силы для поддержки идеологических установок новой национальной политики памяти, обеспечивая участие заметного количества населения в пропагандистских акциях памяти («коммеморациях»), являющихся составным компонентом формирования новой национальной идентичности (памятные даты репрессий, чествования новых «героев» и т. п.).

Столь же необходимо назвать такой компонент инфраструктуры политики памяти, как её *медиа сферу*, включающую традиционные и электронные медиаресурсы, а также производимые ими медиадискурсы и медианарративы. Медиатизация политики вообще является сегодня весьма распространенным трендом. Но для политического производства продуктов новой национальной памяти, для их закрепления в массовом сознании данный процесс жизненно важен еще и потому, что он позволяет напрямую направлять весь свой манипулятивный потенциал на формирование и преобразование массового мышления, воображения и эмоционального впечатления, минуя сколько-нибудь серьезную

рационально-научную рефлексию (Русакова, Русаков, 2019). Более того, вне медиасферы вся мифология новой национальной политики памяти, скорее всего, так и не вышла бы за рамки *science fiction*, оказавшись в одном ряду с «новой хронологией» Фоменко, «черной книгой» уфологии, литературы и фильмов в духе *ancient aliens*.

В настоящее время медиадискурсы новой политики памяти стремятся занять доминирующее положение в системе означивания и интерпретации свершившихся событий, устанавливают особые медиа-режимы, отфильтровывающие «опасную» для существующей власти информацию, формируют господствующие нарративы объяснения прошлого.

Стоит обратить особое внимание на то, что, несмотря на неизбежную специфику условий жизнедеятельности каждого постсоветского государства, складывающаяся инфраструктура политики памяти имеет несомненные черты общности. Наиболее наглядно это проявляется в изменении характера международной политики (новейшие ориентации которой не останавливаются даже перед нанесением себе очевидного социально-экономического и политического ущерба). Кроме того, важно указать, кто является основным *социальным источником* (социальной базой) проводимой на постсоветском пространстве политики памяти. Таковым, по нашему мнению, выступает компрадорская *олигархическая буржуазия*, в основе капиталов которой лежит (весьма небесспорно присвоенная) часть бывшей советской общенародной собственности. Именно для её защиты и укрепления данный социальный слой готов формировать новые образы прошлого, создавать новые исторические мифы, конструировать новые тренды своей цивилизационной ориентации вплоть до полного отказа от исторических завоеваний и побед советской власти (Шишкин, 2011).

Таким образом, под инфраструктурой политики национальной памяти мы понимаем систему национальных институтов и мемориальных практик, их многообразную ресурсную базу, включая медиаресурсы, чьё функционирование направлено на формирование массовых общественных представлений о легитимности существующей власти национальной по форме, но буржуазно-компрадорской и олигархической по своей сути. Именно отсюда берут своё начало распространяемые новой властью идеи антикоммунизма и антисоветизма. Отсюда – и ненависть к идеалам солидарности трудящихся, готовность идти на соглашения с мировой неолиберальной элитой по поводу признания «преступлений советского тоталитарного режима».

Государственные организации. Политико-правовое обоснование новой национальной политики памяти

Ведущая роль в процессах реализации политики памяти принадлежит государству и, прежде всего, – государственному политико-правовому её обеспечению. Основоположниками и первопроходцами в данной области стали французы со своими «мемориальными законами», а затем эстафету подхватила Польша: Польский Институт национальной памяти был создан на основании закона, принятого Комиссией по расследованию преступлений против польского народа от 18 декабря 1998 г (Институт национальной памяти ..., 1998). В целом ряде постсоветских государств эту работу «расширили» и углубили» (Положение

об Украинском институте национальной памяти ..., 2014). Так, в 2015-м году Верховная Рада Украины приняла закон, осуждающий коммунистический и нацистский тоталитарные режимы, запрещающий их пропаганду и символику. Одной из главных позиций закона является признание коммунистического режима 1917–1991 гг. на Украине преступным, проводившим политику государственного террора. Верховная Рада приняла закон о правовом статусе и чествовании памяти участников борьбы за независимость Украины в XX веке, признающий таковыми все организации, боровшиеся в XX столетии за независимость Украины, в том числе – Украинскую повстанческую армию (УПА). Украинские ветераны ОУН-УПА еще при президенте В. Ющенко были признаны воюющей стороной и борцами за независимость Украины. Более того, были названы и конкретные «герои» Украины, например, Роман Шухевич (являлся заместителем командира в спецподразделении «Нахтигаль», сформированного и обученного Абвером для действий в составе диверсионного подразделения «Бранденбург 800»), с мая 1943 ставший руководителем ОУН. В 2010 г. было присвоено почетное звание Герой Украины Степану Бандере. Высший административный суд Украины эти решения отменил (2011).

Свой вклад в правовое оформление данной политики принялись активно вносить муниципальные власти Украины и органы местного самоуправления. Процесс формирования «новой национальной памяти» неизбежно вылился в борьбу с памятниками и в переименование улиц: «Власти Киева решили стряхнуть со столичных улиц «пыль истории», переименовав их на новый лад. Члены комиссии Киевсовета по вопросам переименований решили из улицы Фрунзе сделать Кирилловскую, а площадь Дзержинского переименовать в Лыбидскую. И это не предел. Как сообщил после заседания журналистам ее председатель Алексей Резников, на следующем заседании будут рассмотрены предложения о переименовании еще 8 улиц и площадей. В конце сентября председатель комиссии Киевсовета по вопросам культуры Игорь Луценко предложил переименовать 26 столичных улиц и лишить их названий, связанных с историей дореволюционной России и СССР» (Прощай, история ..., 2014).

Законодательная власть Украины открыла широкий простор для творчества исполнительной власти. Яркий тому пример – широкомасштабная по размаху и ресурсному обеспечению пропагандистская кампания «Голодомор» (Русакова, Русаков, 2019, с. 18–22). Служба безопасности Украины (СБУ) возбудила уголовное дело о Голодоморе 1932–1933 годов, ссылаясь на то, что «искусственно созданный большевистским режимом голод» привел к массовому уничтожению гражданского населения Украины. Дело о Голодоморе положило начало развертыванию интенсивной репрессивной работы в стране (Портнов, 2014).

Подобные процессы стали повседневной практикой почти на всем постсоветском пространстве. Так, согласно Алексею Волосевичу, «В Ташкенте, как и во всем Узбекистане, продолжается избавление от наименований, оставшихся от советского прошлого, а ныне признанных не соответствующими канонам национальной чистоты. В отличие от первых лет независимости, сегодня этот процесс протекает уже не столь бурно, но, тем не менее, с каждым годом всё острее изменяет топонимическую карту столицы» (Волосевич, 2008). Очевидна идейно-политическая направленность этих процессов: демонстративная смена названий ни в коей мере не является восстановлением первоначальных истори-

ческих топонимов, утраченных в годы советской власти. «В общей сложности, – резюмирует автор, – с момента объявления независимости и до начала 2005 года в Ташкенте из 3473 улиц, проездов и тупиков было переименовано полторы тысячи, то есть почти половина. Новая мифология создается буквально на глазах: и Ташкент, и всю республику создавали, строили и развивали исключительно представители титульной нации, достойные за это быть увековеченными в названиях столичных улиц; всех прочих просто не существовало». В итоге целенаправленная дискриминационная политика в отношении советского прошлого и представителей нетитульного населения страны обернулась для Узбекистана массовым исходом образованных и квалифицированных кадров, надолго упущенными историческими возможностями борцов за «возрождение подлинной исторической памяти». Но это сегодня мало кого волнует (Волосевич, 2008).

Аналогичным образом усилиями государственной власти проходило переименование знаково-символических пространств в Таджикистане и Казахстане. Правительственное информационное агентство «Ховар» отмечает: «Целью переименования является пропаганда национальных ценностей, пробуждение исторической памяти молодого и подрастающего поколений о культуре предков и современной государственности таджикского народа» (В Таджикистане переименовали ..., 2016). Государственные органы власти Казахстана форсируют в стране те же процессы. Телеканал «Алматы» сообщает: «Около 170 миллионов тенге уйдет на переименование улиц в Алматы. Новые названия получат 170 улиц, 50 из которых на сегодняшний день дублируются» (Косенов, 2014).

В России политическая элита также занялась созданием определенной инфраструктуры для проведения новой политики исторической памяти: «15 августа 2015 года премьер-министр Дмитрий Медведев подписал правительственное распоряжение за № 1561-р «О Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий». В обиход оно вошло под простым и «скромным» названием «о десталинизации и десоветизации» (Шишкин, 2011). Однако, как следует из многочисленных социологических опросов и исследований, в том числе весьма репрезентативных, «ни «десталинизацию», ни «десоветизацию» наши сограждане не воспринимают, не поддерживают и жестко, абсолютным, кричащим большинством в 90 % тому и другому противостоят» (Павленко, 2016).

В постсоветской России при участии высокопоставленных представителей власти в своё время были установлены памятники Колчаку, Врангелю, Каппелю и другим белым генералам. Была открыта памятная доска генералу Маннергейму в Санкт-Петербурге, коллаборационистам Краснову и Кононову. В Уфе в честь Заки Валиди (участника создания Туркестанского легиона, легиона «Идель-Урал», «Азербайджанского легиона» и боевой группы «Крым») были названы улицы, а также университет и гимназия; демонстративно была переименована ул. М. Фрунзе, невзирая на то, что Фрунзе героически сражался с белогвардейцами и басмачеством.

Российские власти не менее рьяно, чем их украинские, таджикские и другие единомышленники в области создания новой политики памяти, принялись за преобразование советской топонимики. «Тема захоронения покоящегося в Мавзолее Ленина, поднятая на Межрегиональном форуме ОНФ, всколыхнула тему избавления от советского наследия, по-прежнему болезненную для боль-

шинства россиян. До сих пор с прошлым боролись в основном топонимически: переименовывая города и улицы, или возвращая им старые дореволюционные названия. И всякий раз не обходилось без жарких споров» – пишет портал Лента.ру (Битва за Сталинград ..., 2016). Действительно, гневные филиппики по поводу украинского «ленинопада», направляемые из российских правительственных СМИ, выглядят по меньшей мере лицемерно на фоне практики стыдливого заколачивания фанерой мавзолея В.И. Ленина на Красной площади (Волк, 2016). Нынешняя российская власть в своей коммеморативной политике достигла абсурдного апогея, когда для того, чтобы вычеркнуть из памяти своего народа Великую Октябрьскую социалистическую революцию, изобрела новый государственный праздник – парад в честь «годовщины парада войск, уходивших на фронт 7 ноября 1941 года».

Пределы готовности отказаться от смысловых моментов и прежних нарративов, касающихся истории Отечества советского периода, сегодня лишь приоткрываются: «В 2010 году Государственная Дума, по сути, поставила СССР в один ряд с фашистской Германией, когда приняла заявление «О Катынской трагедии и её жертвах», в котором признала, что массовый расстрел польских граждан в Катыни был произведён согласно прямому указанию Сталина и других советских руководителей и является преступлением сталинского режима. Через два года ЕСПЧ классифицировал трагедию в Катыни как военное преступление. В итоге Польша, которую Советский Союз освободил от фашистских захватчиков, вдруг оказалась на ступеньку выше СССР, поскольку последний предстал в роли агрессора, уподобленный фашистскому режиму Гитлера. И сделано это было не Западом, а российской властью (Кравченко, 2017). Перипетии борьбы за действительную историю отображены в заседании «круглого стола», состоявшемся в Государственной Думе РФ (Илюхин, 2010). Что же касается хорошо документированного польскими историками преступления – уничтожения 80 тыс. красноармейцев, попавших в плен в Польше в 1920 году – это «европейской демократической стране» в вину никто не поставил.

Государственное, политико-правовое творчество имеет вполне практическое применение: в Эстонии существовала специальная комиссия для расследования «репрессивной политики оккупационного режима» (завершила работу в 2004 году). Латвия потребовала от России 185 млрд. евро – именно в такую сумму, якобы, обошлось стране её вхождение в состав советского государства. Эдмунд Станкевич, возглавлявший в тот период латвийскую комиссию, договорился до того, что назвал построенные в советское время в Латвии типовые жилые дома некрасивыми и уродующими исконный латвийский ландшафт. Латвийский парламент в 1998 году принял особую разъясняющую декларацию «О латышских легионерах во второй мировой войне», в которой указал, что все латышские эсэсовцы, как добровольцы, так и мобилизованные, были намерены лишь защитить Латвию от сталинского режима. И особо подчёркивалось, что латышские эсэсовцы ни в коем случае не воевали против западных стран, но только и исключительно против Советского Союза, из чего авторы документа делают практические выводы: «Поэтому обязанностью латвийского правительства является: 1) требовать от оккупировавших государств и их правопреемников, чтобы они согласно нормам международного права возместили гражданам Латвии, членам их семей и их наследникам убытки, понесенные

в связи с противозаконной мобилизацией в армии оккупировавших государств; 2) заботиться о предотвращении попражнения чести и достоинства латышских солдат в Латвии и за рубежом» (Декларация о латышских легионерах ..., 1998).

Активно включились в состав инфраструктуры современной политики памяти и государственные организации других ветвей власти – исполнительной и судебно-репрессивной. Делаются попытки прямого конвертирования новых исторических идей и практик в различные формы государственно-политического преследования, к примеру, в виде люстраций и т. п. (Портнов, 2014). Наиболее активно этим занялись организации в бывших социалистических странах Восточной Европы: Чехия (Бюро по документации и расследованию преступлений коммунизма); Словакия (Институт национальной памяти); Венгрия (Институт истории венгерской революции 1956 года); Румыния (Институт по расследованию коммунистических преступлений в Румынии), Германия (Федеральный уполномоченный по Архивам Штази).

Вклад общественных организаций и СМИ в новую политику национальной памяти

Инфраструктура политики национальной памяти стала формироваться по нескольким направлениям, в том числе – путем развертывания многочисленных общественных организаций, широкого использования СМИ, с широким применением информационных технологий. Создаются соответствующие фонды: в России – Фонд «Возвращение» (2006), который занимается переименованиями топонимов в российских населенных пунктах на дореволюционные; молодежная организация «Декоммунизация» (2017), которая выступает с требованиями запрета советской символики, возвращения собственности пострадавшим от советского режима и др. В 1992 году антисоветское издательство «Посев» (НТС) смогло наладить свою работу в России – в Москве и других городах, получив лицензию в Министерстве печати и информации Российской Федерации на деятельность своего филиала в России. Оно провозглашает уже знакомые принципы одинаковой неприемлемости фашизма и коммунизма.

Помимо государственных институций за дело создания новой национальной истории Украины взялись разнообразные образовательные центры за рубежом: «Положенная в основу современных учебников истории для средних и высших учебных заведений Украины «национальная схема» методологии истории отработывалась на протяжении десятилетий в Великобритании, США, Канаде. Украинский центр Гарварда работает, например, с 1973 года (три кафедры и институт), фонд кафедр украиноведения на момент создания Центра составлял 1,8 млрд. долларов... Центры украинистики и сегодня радуют своих почитателей... Только что в Интернете появилось сообщение о переиздании Канадским институтом украинских исследований в Эдмонтоне сборника трудов под редакцией авторитетных историков Андреаса Капеллера, Зенона Когуца и Марка фон Хагена с красноречивым названием «Культура, нация и идентичность: украинско-российское столкновение» (1600–1945). Первое издание вышло в свет в 2003 году. Название книги содержит многозначительный термин «encounter», что в переводе с английского языка означает не только столкновение или стычку, но и неожиданную встречу, даже – свидание» (Бялый, 2014).

Как видим, вся эта система исторических мифов строилась при чрезвычайно активном участии националистической эмиграции. Уже в 1990 г. в Киеве прошел первый конгресс «Международной ассоциации украинистики», на котором сотни зарубежных гостей объясняли «оторванным от мира» украинцам истинные вехи «великой украинской истории». Под доминирующим эмигрантским «учёно-профессорским» влиянием система новых исторических – подчеркнуто антисоветских и антироссийских – мифов приобретала в массовом политическом, научном, учебном обиходе «незалежной» Украины как бы авторитетный и неоспоримый характер. И решительно отрывала украинскую социальную, политическую, культурную, экономическую историю от общей российско-имперской и советской истории, описывая жизнь наших родственных народов как многовековой непримиримый конфликт. Именно так Богдан Хмельницкий стал «национал-предателем», Петр Первый – «палачом украинского народа», а Иван Мазепа – великим дальновидным политиком. И именно так началась героизация украинских сподвижников гитлеровского нацизма. Особенно быстро этот процесс шел на Западной Украине, где уже в 1990 г. – отметим, еще до развала СССР (!) – было снесено несколько памятников Ленину и воздвигнуты памятные знаки лидерам и организаторам ОУН и УПА Е. Коновальцу, С. Бандере, Р. Шухевичу, Я. Стецько. Процесс переписывания истории, который развернулся на Украине еще до ее формальной независимости, сопровождался массовым «десантированием» в республику эмигрантской радикально-националистической элиты, которая быстро объединялась с «идеологически родственной» местной элитой, а далее незамедлительно и активно включалась в украинский политический процесс. Уже к 1993 г. на Украине возникло более десятка радикально-националистических партий и движений с корнями в Организации украинских националистов» (Бялый, 2014).

Материально-финансовые ресурсы политики памяти

Политика памяти – это не только споры историков на конференциях и конгрессах по «возвращению к исторической правде». Это реальные политические акции, направленные не только на манипулирование массовым сознанием, но и на проведение систематических и разовых акций, требующих значительной финансовой подпитки. Требование Минюста РФ указать зарубежные источники финансирования деятельности множества НКО показывают обширный круг иностранных организаций, занимающихся подобным финансированием. Поражает, прежде всего, беспрецедентное участие правительств зарубежных государств (министерств, посольств, консульств) в финансировании деятельности «демократических институтов» в России: представить что-либо подобное со стороны российских посольств и консульств невозможно. Во-вторых, не меньше впечатляет спектр направлений деятельности (от «защиты лосося», «женщин Дона» до «прав коренных народов» и пр.): им до всего есть дело, но с одной оговоркой – России защита подобных интересов в других странах категорически запрещена.

В каких проектах и политических акциях оставили след эти многочисленные благотворители-грантодатели? Минюст РФ: «Некоммерческая организация, за исключением политической партии, признается участвующей в политической

деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, она участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях» (Минюст об НКО, 2018). Всего по состоянию на 27 апреля 2018 года в реестре побывала 171 НКО. Сейчас в списке находятся более 70 организаций.

В марте 2015 года секретарь Совбеза РФ Николай Патрушев на совещании в Петрозаводске по вопросам обустройства госграницы констатировал рост влияния финских националистов на Россию через неправительственные организации Карелии. «На фоне роста антироссийской риторики со стороны стран Запада отмечается активизация националистических и реваншистских общественно-политических организаций Финляндии. Возрастает их воздействие через ряд отечественных НПО на население Карелии», – заявил Секретарь Совбеза РФ (Патрушев, 2015). На гранты зарубежных НКО проводятся стажировки школьников и студентов в зарубежных университетах, после чего ожидаемо появляются публичные «доклады» школьников, в которых выражается горячее сочувствие... не жертвам агрессии, а агрессорам Второй мировой войны.

Еще на конференции «Украина в Вашингтоне 2013», которая прошла 13 декабря 2013 года, зам. госсекретаря США В. Нуланд публично признавалась, что за прошедшее время власти США предоставили «на развитие демократии на Украине» 5 миллиардов (!) долларов. Солидными бюджетами обладают уже перечисленные «институты национальной памяти», музеи «советской оккупации».

Обеспечение политических акций. Переформатирование исторической памяти народов. Войны с памятниками

Основными идеями, получившими разнообразное медийное и даже наукообразное оформление в поле политики памяти, стали:

- разрыв с советским периодом своей истории, проводимый с разной степенью последовательности;
- фальсификация причин и характера Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны в России, Второй мировой и Великой Отечественной войн, Победы в ней;
- фальсификация истории советского периода развития республик бывшего СССР;
- конструирование новейшей национальной мифологии.

Внешними проявлениями радикальных перемен, заявляемых политикой памяти и осуществляемых ее инфраструктурой, являются сносы памятников революционерам, воинам Великой Отечественной войны, переключенным в «террористов» и «окупантов» (Война с памятниками ..., 2017), переименования улиц и площадей, возведение памятников и установление мемориальных знаков лидерам белогвардейцев и пособникам немецких фашистов, особенно из числа местных националистов.

Россия не осталась в стороне: еще в 1991 г. был снесен памятник Ф. Э. Дзержинскому. Среди самых одиозных акций, постоянно проводимых

государственной властью России, – регулярное драпирование мавзолея Ленина, что особенно цинично выглядит в День Победы 9 мая, к подножию которого 24 июня 1945 года были брошены знамена разгромленных фашистских дивизий.

От практик центральной власти не отстают и региональные, а также местные. Администрации Ханты-Мансийска, Омска, Пермского края, Иркутска и многие других субъектов под предлогом «примирения» некогда враждовавших сил – «красных» и «белых» – упрямо проводят героизацию ненавистных народу лидеров белогвардейского движения, так называемых «спасителей отечества», призвавших на помощь вражеские армии 14 государств! По странам СНГ и бывшего «социалистического блока» прокатилась целая волна борьбы с памятниками советским воинам-освободителям от фашизма, с памятниками крупным советским деятелям. В 1991 году снесли памятник В. И. Ленину (работы скульптора С. Меркурова) в Ереване. В столице независимого Азербайджана Баку снесли памятники С. М. Кирову и 26 Бакинским комиссарам, старательно уничтожая историческую память о том, кем и как формировалось современное азербайджанское государство. В марте 2015 года в городе Ангрене Ташкентской области Узбекистана демонтировали обелиск, установленный в память местным жителям, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. В августе 2016 года латвийская организация «Ястребы Даугавы» бывших латвийских легионеров СС добилась сноса памятника советским морякам в городе Лимбажи (Война с памятниками ..., 2017).

Новая историческая память нации – новая международная политика

Нельзя упускать из виду, что историческая политика вовсе не ограничивается «национализацией» исторической памяти своего народа. Независимые национальные государства на постсоветском пространстве в результате разработки новой исторической памяти неизбежно стали радикально пересматривать свою международную политику (Миллер, Ефременко, 2020, с. 96–120). Здесь любопытен ряд направлений.

Стремление непременно влиться в число *«цивилизованных стран»*, которое носит отчетливо выраженный антироссийский характер, поскольку условием такого вхождения считается радикальный разрыв с советским периодом своей истории и с Россией как правопреемницей СССР. Правда, тезис разработчиков и пропагандистов новой исторической памяти о том, что Россия оказывается в «международной изоляции», что ее действия осуждает «большинство цивилизованных стран» невольно напоминает неприятный исторический прецедент: когда антисоветское «большинство цивилизованных стран» Европы (и Запада в целом) не только пошло на сговор с гитлеровской Германией (Мюнхен, 1938), но и сделали все от них зависящее, чтобы усилить СССР по созданию *системы коллективной безопасности в Европе* потерпели крах (Историография «Мюнхенского сговора» ..., 2018). Именно этим объясняется настойчивое антиисторическое выпячивание пресловутого «пакта Молотова-Риббентропа» (1939) как, якобы, настоящей причины развязывания Второй мировой войны, что является настоящей ревизией истории (Accord conclu à Munich ..., 2015).

Идея объединения либерализма и фашизма, их общности давно известна. И выдвинута она не критиками, а сторонниками либеральной идеологии. 1932 год – время прихода НСДАП к власти в Германии. Находившийся под впечатлением фашистского проекта Герберт Уэллс призывал: «Прогрессивисты должны стать либеральными фашистами и просвещенными нацистами». Уэллсовский идеал этого времени – «Тоталитарное государство под управлением могущественной группы благожелательных экспертов-либералов». Идеолог нелиберализма Людвиг фон Мизес вполне откровенно писал: «Нельзя отрицать, что фашизм и близкие ему движения, стремящиеся к установлению диктатуры, преисполнены лучших намерений и что их вмешательство в данный момент спасло европейскую цивилизацию. Эта заслуга фашизма останется в истории навечно» (Мизес, 2007).

Политика новой исторической памяти в России, адепты которой договариваются до того, чтобы на государственном уровне заклеить советский период российской государственности как исключительно преступный, прокладывает путь всевозможным европейским резолюциям, приравнивающим сталинизм к гитлеризму, а коммунизм к национал-социализму. После этого закономерен следующий этап – всемирное покаяние и возложение на себя ответственности за развязывание Второй мировой войны, всевозможные оккупации и геноциды. И, наконец (чего так жаждут наши «западные партнеры») – оплата всех многочисленных счетов и отказ от суверенитета. Таким образом, ни о каком «возвращении к исторической правде» не может быть и речи: идет ожесточенная идеологическая борьба – составная часть политической.

Закключение

1. Политика новой исторической памяти не имеет ничего общего с *исторической наукой*, не является каким-то продвижением исторической науки вперед, к новым достижениям. Академический антураж, напускное наукообразие – мимикрия под инструментарий научного исторического исследования – необходимы для политики исторической памяти только для того, чтобы достаточно надежно скрыть от массового сознания (на которое она, собственно, и рассчитана) ее идейно-политическое ядро. В политике «исторической памяти» безраздельно господствует именно *политика*, связанная с защитой вполне *корыстных интересов определенных социальных групп*. Эти социальные группы представлены современными *неолиберальными политическими режимами*, заинтересованными в обосновании своего безраздельного политического и экономического господства. Политика исторической памяти является орудием предъявления и обоснования целого комплекса идеологических, политических, экономических и территориальных претензий прежде всего к Российской Федерации как правопреемнице СССР (признать ответственность за развязывание Второй мировой войны, компенсировать экономический ущерб за «оккупации», вернуть «утраченные» территории, перед всем миром покаяться за «преступления сталинизма» и в перспективе – прекратить существование в качестве суверенного государства).

2. Новая политика исторической памяти является ничем иным, как одним из инструментов современной «*мягкой силы*», когда по ряду причин достижение вышеуказанных целей военным, силовым путем оказывается невозможным.

Социальной базой такой политики выступает так называемая современная «неолиберальная элита», которая на самом деле никакого отношения к либерализму (тем более – классической идеологии и политике освобождения) не имеет, поскольку уже с конца XIX века является последовательной защитницей транснационального финансового капитала. Она последовательно создает разветвленную инфраструктуру политики исторической памяти как орудия осуществления своих интересов.

3. Создаваемая инфраструктура и сама новая политика исторической памяти глубоко *враждебны коренным интересам народов* бывшего СССР. Только этим можно объяснить постоянные провалы данной политики при проведении различных акций (опросы общественного мнения, переименования, юбилеи власовцев, бандеровцев и нацистов). Однако этим опасности не исчерпываются: новая политика исторической памяти враждебна *интересам мирового сообщества*, поскольку обосновывает слом существующего крайне хрупкого политического миропорядка (на основе ялтинско-потсдамских соглашений) и ведет дело к переделу всей системы международных отношений для обеспечения безоговорочного господства транснационального финансового капитала во главе с монополиями США, стирая всякие границы между военными и невоенными средствами достижения поставленных целей (Ларина, 2015). Старая истина о том, что империализм неизбежно ведет к локальным и региональным войнам, не останавливаясь даже перед угрозой Третьей мировой, подтверждается весьма наглядно.

4. Так называемая «приватизация» национальной исторической памяти несет миру угрозу *обострения межнациональных противоречий*. Настоящий людоедский характер демонстрирует миру защита бандеровщины, проповедующей зоологическую ненависть по отношению к братским народам и презрение к другим народам.

5. Инфраструктуре политики исторической памяти всемерно придаются разнообразные признаки «респектабельности», «солидности», «научности» и т. п. Однако постоянное скатывание к пропаганде, антисоветизму и русофобии – особенно при организации «музеев» и «экспозиций», проведении юбилеев и других акций – выдают ее истинное предназначение в качестве *орудия если не межнациональной ненависти*, то, как минимум, *национальной ограниченности* (стоит только обозреть гротескные варианты «национальной истории», предлагаемые ныне в школьных курсах в странах на постсоветском пространстве).

Список литературы

1. Бегер, Виктор. (2010). *О пахарях на «поле истории»*. Каждая страна имеет право на «национализацию» своей истории? Взято с <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=19857>
2. *Битва за Сталинград. Самые спорные попытки переименования улиц и городов в России* (2016). Взято с <https://lenta.ru/articles/2016/01/31/toponym/>
3. Бордюгов, Г. А. (2011). *«Войны памяти» на постсоветском пространстве*. М: АИРО-XXI.
4. Бялый, Юрий. (2014). *Радикальный украинский национализм –*

концептуально-идеологический реванш. Взято с <http://rossaprimavera.ru/article/radikalnyu-ukrainskiy-nacionalizm-postsovetskiy-konceptualno-ideologicheskiiy-revansh>

5. *Война с памятниками: как в разных странах сносят советские монументы* (2017). Взято с <https://www.rbc.ru/photoreport/26/07/2017/597733189a79471ff533720d>

6. Волк, В. В. (2016). *Для кого перекрашивают символ Победы – мавзолеем Ленина?* Взято с <http://rusrand.ru/replika/dlya-kogo-perekrashivayut-simvol-pobedy-mavzoley-lenina>

7. Волосевич, Алексей. (2008). *Гимн национализму. За последние семнадцать лет в Ташкенте переименована половина улиц.* Взято с <http://www.fergananews.com/article.php?id=5574>

8. *В Таджикистане переименовали последний город с русским названием Чкаловск* (2016). Взято с <https://lenta.ru/news/2016/02/01/pereimenovanie/>

9. *Декларация о латышских легионерах во Второй мировой войне* (1998). Взято с <https://www.nacionalaarpvieniba.lv/valodas>

10. Дубин, Борис. (2008). Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. *Отечественные записки*, 4(43). Взято с <http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-ovoynne-konstruirovanie-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletiiy>

11. Дюков, А. Р. (2010). Историческая политика или историческая память *Международная жизнь*, 1, 133–148.

12. Илюхин, В. И. (Отв. за вып.). (2010). *Тайны Катынской трагедии. Материалы «Круглого стола», проведенного в Государственной Думе ФС РФ 19 апреля 2010 г.* Взято с https://royallib.com/book/kollektiv_avtorov/tayni_katinskoj_tragedii_materiali_kruglogo_stola_po_teme_katinskaya_tragediya_pравovie_i_politicheskie_aspekti_provedyonnogo_19_aprelya_2010_goda_v_gosudarstvennoy_dume_federalnogo_sobraniya_rossiyskoj_federatsii.html

13. *Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа (ИНП)* (1998). Взято с <http://www.ipn.gov.pl/>

14. *Историография «Мюнхенского сговора» 1938 года.* Взято с <https://historyrussia.org/proekty/80-letie-myunkhenskogo-soglashenie-1938-goda/istoriografiya-myunkhenskogo-sgovora-1938-goda.html>

15. Косенов, Алдияр. (2014, 14 апреля). *Около 170 миллионов тенге уйдет на переименование улиц в Алматы.* Взято с https://tengrinenews.kz/kazakhstan_news/okolo-170-millionov-tenge-uydet-pereimenovanie-ulits-almaty-253603/

16. Кравченко, Л. И. (2017). *Ревизия победы.* Взято с <http://rusrand.ru/analytics/reviziya-pobedy>

17. Ларина, Елена. (2015). *Военно-разведывательно-финансовый комплекс США. Видимая часть айсберга.* Взято с <http://www.regnum.ru/news/polit/1914526.html#ixzz3XCW5K7SL>

18. Мизес Л. (2007). *Либерализм.* Челябинск: Социум. Взято с <http://iknigi.net/avtor-lyudvig-mizes/56433-liberalizm-lyudvig-mizes/read/page-5.html>

19. Миллер, А., Липман, М. (Ред.). (2012). *Историческая политика в XXI веке: Сборник статей.* М.: Новое литературное обозрение.

20. Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (Ред.). (2020). *Политика памяти*

в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

21. Минюст об НКО (2018). Взято с: <https://minjust.ru/ru/node/124298>
22. Музей оккупации Латвии (Рига) (без даты). Взято с <http://okupacijasmuzejs.lv/ru/>
23. Музей оккупаций (Таллин) (без даты). Взято с <https://www.vabamu.ee/>
24. Музей советской оккупации (Киев) (без даты). Взято с <https://web.archive.org/web/20070708083757/http://memorial.kiev.ua/expo/>
25. Музей советской оккупации (Тбилиси) (без даты). Взято с: http://museum.ge/?lang_id=ENG
26. Павленко, Владимир. (2016). «Белая» «элита» «креаторов» – против абсолютно большинства. Взято с <http://regnum.ru/news/polit/2072000.html>
27. Патрушев, Н. (2015). Страны Запада проявляют интерес к приграничному сотрудничеству с Россией. Взято с <https://tass.ru/politika/1840160>
28. Положение об Украинском институте национальной памяти. Постановление от 12 ноября 2014 г. № 684. (Украина). Взято с <https://constitutions.ru/?p=20739>
29. Портнов, Андрей. (2014). Люстрация и институты национальной памяти: опыт посткоммунистической Европы. Взято с <http://argumentua.com/stati/lyustratsiya-i-instituty-natsionalnoi-pamyati-opyt-postkommunisticheskoi-evropy>
30. Прощай, история: в Киеве занялись переименованием улиц и площадей (2014, 6 ноября). Взято с <http://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/06-11-2014/1234360-kiev-0/>
31. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(35), 10–27.
32. Шишкин, И. (2011). Фальсификация истории и интересы российской элиты. Взято с <http://regnum.ru/news/1414246.html#ixzz1PdfbiTpq>
33. *Accord conclu à Munich, le 29 septembre 1938, entre l'Allemagne, le Royaume-Uni, la France et l'Italie* (2015). Retrieved from <https://reseauinternational.net/accords-de-munich-le-dessous-des-cartes/#7ZKZqUgfUVuIofJC.99>

References

1. *Accord conclu à Munich, le 29 septembre 1938, entre l'Allemagne, le Royaume-Uni, la France et l'Italie* (2015). Retrieved from <https://reseauinternational.net/accords-de-munich-le-dessous-des-cartes/#7ZKZqUgfUVuIofJC.99>
2. Beger, Viktor. (2010). *O paharyah na «pole istorii»*. *Kazhdaya strana imeet pravo na «nacionalizaciyu» svoej istorii?* [About plowmen on «a history field»]. Retrieved from <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=19857>
3. *Bitva za Stalingrad. Samye spornye popytki pereimenovaniya ulic i gorodov v Rossii* [Fight for Stalingrad. The most disputable attempts of renaming of streets and cities in Russia] (2016). Retrieved from <https://lenta.ru/articles/2016/01/31/toponym/>
4. Bordyugov, G. A. (2011). «*Vojny pamyati*» na postsovetskom

prostranstve. [«Memory wars» on the post-Soviet territory]. M: AIRO-XXI.

5. Byalyj, Yuriy. (2014). *Radikal'nyj ukrainskij nacionalizm – konceptual'no-ideologicheskij revansh* [Radical Ukrainian nationalism – a conceptually-ideological revenge]. Retrieved from <http://rossaprimavera.ru/article/radikalnyy-ukrainskiy-nacionalizm-postsovetkiy-konceptualno-ideologicheskij-revansh>

6. *Deklaraciya o latyshskih legionerah vo Vtoroj mirovoj vojne* [The Declaration on the Latvian legionaries in the Second World War] (1998). Retrieved from <https://www.nacionalaapvieniba.lv/valodas>

7. Dubin, Boris. (2008). Pamyat', vojna, pamyat' o vojne. Konstruirovaniye proshlogo v social'noj praktike poslednih desyatiletij [Memory, war, memory of war. Past designing in social practice of last decades]. *Otechestvennyye zapiski*, 4(43). Retrieved from <http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-o-vojne-konstruirovaniye-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletij>

8. Dyukov, A. R. (2010). Istoricheskaya politika ili istoricheskaya pamyat' [The historical policy or historical memory the international life]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1, 133–148.

9. Ilyuhin, V.I. (Otv. za vyp.). (2010). *Tajny Katynskoj tragedii. Materialy «Kruglogo stola», provedyonnogo v Gosudarstvennoj Dume FS RF 19 aprelya 2010 g.* [Secrets of Katynsky tragedy. Materials of “the Round table”, spent to State Duma FS of the Russian Federation on April, 19th, 2010]. Retrieved from https://royallib.com/book/kollektiv_avtorov_tayni_katynskoy_tragedii_materiali_kruglogo_stola_po_teme_katynskaya_tragediya_pravovie_i_politicheskie_aspekti_provedyonnogo_19_aprelya_2010_goda_v_gosudarstvennoj_dume_federalnogo_sobraniya_rossiyskoy_federatsii.html

10. *Institut nacional'noj pamyati – Komissiya po rassledovaniyu prestuplenij protiv pol'skogo naroda (INP)* [Institute of national memory – the Commission on investigation of crimes against the Polish people] (1998). Retrieved from: <http://www.ipn.gov.pl/>

11. *Istoriografiya «Myunhenskogo sgovora» 1938 g.* [The historiography of “the Munich arrangement” 1938] (2018). Retrieved from <https://historyrussia.org/proekty/80-letie-myunkhenskogo-soglashenie-1938-goda/istoriografiya-myunkhenskogo-sgovora-1938-goda.html>

12. Kosenov, Aldiyar. (2014, April 14). *Okolo 170 millionov tenge ujdet na pereimenovanie ulic v Almaty* [About 170 million tenge will leave on renaming of streets into Almaty]. Retrieved from https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/okolo-170-millionov-tenge-uydet-pereimenovanie-ulits-almaty-253603/

13. Kravchenko, L.I. (2017). *Reviziya pobedy* [Victory audit]. Retrieved from <http://rusrand.ru/analytics/reviziya-pobedy>

14. Larina, Elena. (2015). *Voенно-razvedyvatel'no-finansovyj kompleks SSHA. Vidimaya chast' ajsberga* [The military intelligence financial complex of the USA. A visible part of an iceberg]. Retrieved from <http://www.regnum.ru/news/polit/1914526.html#ixzz3XCW5K7SL>

15. Miller, A., & Lipman, M. (Eds.). (2012). *Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej* [The historical policy in the XXI-st century: The collection of articles]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

16. Miller, A. I., & Efremenko, D. V. (Eds.). (2020). *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy:*

kollektivnaya monografiya [A policy of memory in modern Russia and countries of Eastern Europe. Actors, institutes, narratives: the collective monograph]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

17. *Minyust ob NKO* [Ministry of Justice about NCO] (2018). Retrieved from: <https://minjust.ru/ru/node/124298> A takzhe: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.asp>

18. Mizes, L. (2007). *Liberalizm* [Liberalism]. Chelyabinsk: Socium. Retrieved from <http://iknigi.net/avtor-lyudvig-mizes/56433-liberalizm-lyudvig-mizes/read/page-5.html>

19. *Muzej okkupacii Latvii (Riga)* [The Museum of occupation of Latvia (Riga)] (n. d.). Retrieved from: <http://okupacijasmuzejs.lv/ru/>

20. *Muzej okkupacij (Tallin)* [The Museum of occupations (Tallinn)] (n. d.). Retrieved from: <https://www.vabamu.ee/>

21. *Muzej sovetsoj okkupacii (Kiev)* [The Museum Soviet occupations (Kiev)] (n. d.). Retrieved from: <https://web.archive.org/web/20070708083757/http://memorial.kiev.ua/expo/>

22. *Muzej sovetsoj okkupacii (Tbilisi)* [The Museum Soviet occupations (Tbilisi)] (n. d.). Retrieved from: http://museum.ge/?lang_id=ENG

23. Patrushev, N. (2015). *Strany Zapada proyavlyayut interes k prigranichnomu sotrudnichestvu s Rossiej* [West countries show interest to frontier cooperation with Russia]. Retrieved from <https://tass.ru/politika/1840160>

24. Pavlenko, Vladimir. (2016). “*Belaya*” “*elita*” “*kreatorov*” – *protiv absoljutnogo bol'shinstva* [“White” “elite” of “creators” – against overwhelming majority]. Retrieved from <http://regnum.ru/news/polit/2072000.html>

25. *Polozhenie ob Ukrainskom institute nacional'noj pamyati. Postanovlenie ot 12 noyabrya 2014 g. № 684* [Regulations on the Ukrainian Institute of national memory. Resolution of November 12, 2014, No. 684]. (Ukraine). Retrieved from <https://constitutions.ru/?p=20739>

26. Portnov, Andrej. (2014). *Lyustratsiya i instituty nacional'noj pamyati: opyt postkommunisticheskoy Evropy* [Lustration and institutes of national memory: experience of post communist Europe]. Retrieved from <http://argumentua.com/stati/lyustratsiya-i-instituty-natsionalnoi-pamyati-opyt-postkommunisticheskoi-evropy>

27. *Proshchaj, istoriya: v Kieve zanyalis' pereimenovaniem ulic i ploshchadej* [Farewell, history: in Kiev were engaged in renaming of streets and the areas] (2014, November 6). Retrieved from <http://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/06-11-2014/1234360-kiev-0/>

28. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2019). Diskurs postpravdy kak mediatekhnologiya politiki postpamyati. [Posttruth discourse as media technology of a policy of postmemory]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 2(35), 10–27.

29. Shishkin, I. (2011). *Fal'sifikatsiya istorii i interesy rossijskoj e'lity* [Falsification of the history and interests of the Russian elite]. Retrieved from <http://regnum.ru/news/1414246.html#ixzz1PdfbiTpq>

Vojna s pamyatnikami: kak v raznyh stranah snosyat sovetkie monumenty [War with monuments: as in the different countries take down the Soviet monuments] (2017). Retrieved from <https://www.rbc.ru/photoreport/26/07/2017/597733189a79471ff533720d>

30. Volk, V.V. (2016). *Dlya kogo perekrashivayut simvol Pobedy – mavzolej*

Lenina? [For whom recolor the Victory symbol – Lenin’s mausoleum?]. Retrieved from <http://rusrand.ru/replika/dlya-kogo-perekrashivayut-simvol-pobedy-mavzoley-lenina>

31. Volosevich, Aleksej. (2008). *Gimn nacionalizmu. Za poslednie semnadcat’ let v Tashkente pereimenovana polovina ulic* [A hymn to nationalism. For last seventeen years in Tashkent half of streets renamed]. Retrieved from <http://www.fergananews.com/article.php?id=5574>

32. *V Tadjikistane pereimenovali poslednij gorod s russkim nazvaniem Chkalovsk* [In Tajikistan have renamed last city with the Russian name Chkalovsk] (2016). Retrieved from <https://lenta.ru/news/2016/02/01/pereimenovanie/>